

ВАЛЕНКИ

– 1 –

Рулит красавица, на «Форде» –
Царевна, мол, имей в виду.
А я при всём честном народе
В подшитых валенках иду.

Мне дела нет ни до царевны,
Ни до лихой молвы людской.
Не потому что рос в деревне,
Я от рожденья городской.

Но так случилось – так бывает –
Без чуда сказочных калош
Куда-то время убывает,
Как рассекренная ложь.

И никуда уже не деться
От грянувшей поверки лет.
Так валенки приводят в детство,
Где их тебе катает дед.

снега природа разодела.
Мороз, ветра гудят баском.
А ты согрет любовью деда –
Идёшь по звёздам босиком.

– 2 –

Когда спекусь и стану стареньким,
Скупой остаток на земле
Я проведу, обувши валенки,
В глухом заброшенном селе.

Забудь меня, цивилизация!
Пекусь о вечном, но простом.
Моя космическая станция
Ещё качнёт тебе крестом.

Мне подготовит старт завалинка.
Согреют душу в облаках
Воспоминания о валенках,
Внизу забытых впопыхах.

Повестям подобным нет названий.
Общее для всех – «Родимый кров».
Траурное шествие возглавил
«Беларус» с прицепом для кормов.

По деревне тихой через речку,
Мимо олесившихся лугов,
В рошу – на обещанную встречу
С Богом и родней из всех веков.

Что примолкли, милье сельчане?
Тарахтит загробно «Беларус».
Груз его сегодня не случаен,
Батюшкой в избе отпетый груз.

И накрыли белой вуалью.
Развязали руки на груди...
Закопали... в землю... тётю Валу...:
Не по тверди – по небу иди.

На могилку – скатерть-самобранку.
Помянули... Смолк из слёз оркестр.
Пожалела мать-земля крестьянку.
Комья глины. Деревянный крест.

ОТСТАВНИК

От безысходности поник
И от никчемности бесславной –
У стойки глушит отставник
Воспоминания отравой!

Что видит он? Афганистан
Или кавказские сраженья?
Вновь наполняется стакан
До полного опустошенья.

Как глянет!.. Мысль напряжена...
Но ей не вырваться из круга.
А сотовый – вовсю... Жена,
А, может, новая подруга.

С улыбкой лезет мерзкий тип
В надежде жалкой угоститься.
А отставник всё крутит клип,
До чёртиков успеv напитокся.

Земля уходит из-под ног,
Дыханье сбилось, сердцу плохо.
А он одно: «Хотел бы – смог...
Да не помог... прости... эпоха».

РУССКИЙ

Душа полна благих предчувствий,
Что не наступит судный век,
Пока живёт в России русский –
Простой стыдливый человек.

Трудолюбив, открыт и честен,
Умом и сердцем прозорлив,
И тем в Истории известен,
Что лишь до срока терпелив.

Он на вопрос тысячелетий,
Заморский:
– Быть или не быть? –
Ответствует:
– Да будут дети,
Как мы их любим, нас любить!

– Скажи, а веришь в Бога?
– Верю.
Не верят только дураки!
А сам в приёмной перед дверью
Сжимает в мыслях кулаки.

Я Родину уже терял однажды.
Позор, раздор, бесчинство
и раздел!..
Изорванная память — змей
бумажный
В зовущем к звёздам небе СССР.

Не изменив присяге, флагу, гимну,
Терзаясь мукой: «Что один могу?»,
Я думал, что без Родины погибну,
Как брошенный младенец на снегу.

Но в дни, когда витийствовал
ворюга,
А голос из народа жгли смолой,
Меня, целуя, блоковская вьюга
Вдаль понесла над плачущей
землёй.

Несла и пела нежно и сурово,
Как нянька, подменяющая мать,
Что Родину, как праведное слово,
Ни хитростью, ни силой
не отнять.

ЖЕРЕБЁНОК

Впервые встретив жеребёнка
На пахнувшей зерном стерне,
Я не сумел унять ребёнка,
Давно молчавшего во мне.

Одолеvalo нетерпенье
К себе по имени позвать,
За шею чудное творенье,
Обнять и в лоб поцеловать.

С испугу глупый недотрога
Меня свалил, лягнувши в грудь...

Перетерпел обид я много,
А эту вспомню — не вздохнуть.

На подоконнике бегонии.
В окне две галки на балконе.
Не двигаясь, сидят, глядят
На умиляющий закат.

Вдруг закричит одна, другая
Подруге (другу ль) потакая:
«Ка-га! Ка-га!..» — на тот же лад.
О чём-то главном так галдят!

И в этом птичьем созерцанье
Такое скрыто отрицанье
Бегоний в лепете благом,
Что тянет выйти на балкон.

ГОРСТЬ

Я в новой жизни — скромный гость
Из прошлого тысячелетья.
Чем смог однажды овладеть я?
Всё крохотно вместилось в горсть.

В горсти — земля моей любви.
В горсти — любовь моя земная.
И то, что, зависти не зная,
В себе открыл перед людьми.

Не нужно мне чудесных благ
Лукавого тысячелетья.
Хватило б силы после смерти
Случайно не разжать кулак.